

«МЫ МЫСЛИМ И ГОВОРИМ ЯЗЫКОМ ПЕРЕЛОМА...» (ТВОРЧЕСКАЯ БИОГРАФИЯ Н.А. ПОЛЕВОГО)

Слова, вынесенные в заголовок, взяты из письма А. Бестужева к Н.Полевому и являются откликом на реплику последнего: «Хаос, неустройство старое упало, нового нет... В наш век всеобщих переломов, политических моральных, ученых, нельзя и работать на века»¹. В них и яркая характеристика времени, и объяснение многих особенностей судьбы и творчества Полевого. Журналист и историк, беллетрист и критик, издатель знаменитого журнала «Московский телеграф», Николай Алексеевич Полевой принадлежит к наиболее значительным деятелям русской литературно-общественной жизни 20-30-х годов XIX века и имеет несомненное право на внимание нашего современника. Для нас Николай Полевой интересен и своей глубокой связью с Курским краем.

Полевой родился в Иркутске, но происходил из старинного и некогда богатого рода курских купцов. Семья Полевых была замечательна своими культурными традициями и интересами. Не случайно поэтому, что, кроме Николая Алексеевича, литературе и журналистике посвятил свою жизнь его брат Ксенофонт. Писательницей ста-

ла впоследствии и их старшая сестра Екатерина Алексеевна (в замужестве Авдеева). В духовном развитии будущего писателя и историка значительную роль сыграло общение с целым рядом весьма незаурядных людей. В Курске, куда Полевой переехал из Иркутска в 1813 г., он был знаком с князем В.П. Мещерским, «человеком вполне передовых взглядов», «знатоком литературы и театра». С поэтом и прозаиком А.Ф. Раевским, братом декабриста Владимира Раевского, а также с одним из образованнейших деятелей русской церкви, востоковедом Евгением Болховитиновым.

В 1817 г. в журнале С.Н. Глинки «Русский вестник» появляется несколько произведений,

в числе которых «Чувства курских жителей по случаю прибытия в Курск графа Баркляя де Толли» и «Отрывки из писем к другу из Курска», посвященные пребыванию в городе императора Александра. Окрыленный успехом, Полевой переезжает в Москву и с головой погружается в атмосферу идеологических и исторических споров.

На рубеже 20-30-х годов XIX века с особой остротой обозначился целый круг проблем, в котором слились воедино вопросы философии истории, ее методологии, вопросы осмысления истории России, размышления об особенностях литературного процесса, этических и эстетических критериях оценки событий современности и далекого прошлого. Поэтому в это время многие видные деятели исторической мысли являются одновременно и литераторами. Так, крупнейший историк этого времени М.П. Погодин – автор повестей и исторических драм; С. Шевырев, много сделавший для утверждения исторического метода в изучении культуры, – поэт; Н. Полевой – писатель и журналист. Возможно, поэтому до сих пор идут споры, считать ли «Историю государства Российского» историческим трудом или литературным произведением. Кстати, и Н. Полевой в письме В.Ф. Одоевскому определяет свою «Историю» как «литературный труд», называя его «огромным и важным».

Появление первых томов «Истории русского народа», издание которой началось в 1829 г., вызвало беспрецедентную по запальчивости дискуссию, подлинной причиной которой были не столько конкретные достоинства или недостатки труда Полевого (к последним относилось прежде всего некритическое применение к русскому материалу теоретических положений западноевропейской романтической историографии), сколько его полемический характер. «История русского народа» подчеркнута противопоставлялась ее автором «Истории государства Российского» Карамзина. Что же отвергал Н. Полевой в карамзинской историографии? Дело было, конечно, не в том, что «Его (Карамзина. – К.А.) время прошло без возврата», а в том, что назрела потребность

следующего шага в развитии исторической науки. Н. Полевой выделяет два этапа в развитии знаний о прошлом. На первом этапе человек просто «видит, чувствует, понимает, верит», поэтому история сливается с мифом, сказкою, поэмою, поэзией, является в летописях и сказаниях. На втором этапе ученый «замещает непосредственное вдохновение постоянными понятиями и врожденные верования системами»². По мнению Полевого, пришло время фундаментального философского осмысления прошлого. Интересно, что он называет историю «философией опыта», видя в ней «практическую поверку философских понятий о мире и человеке»³. В русской истории писатель ищет истоки народности и национальной самобытности. В то же время основополагающим для него станет представление о национальной истории как части единого всемирного процесса, поиски в ее событиях всеобщих закономерностей, выявление логики исторического движения. Показательны споры вокруг фигуры Петра I, часто становившиеся катализатором размышлений о приоритете национального или европейского. Смысл реформ Петра Великого Полевой видел в решительном повороте России к Западу, но, на его взгляд, Русь при этом осталась самобытной во всех отношениях, изменились только формы.

Не только личной биографией, но и «эпохой перелома» объясняется и защита им интересов «средних классов» русского общества (прежде всего купечества и промышленников). И в русской истории, и в художественном творчестве он проявляет интерес не только к государственным деятелям, но и к людям «среднего» сословия.

В литературных произведениях Полевой также прежде всего защищает интересы народа и ищет наиболее естественные формы воплощения исторического материала. На это указывает принятое им жанровое обозначение некоторых исторических произведений – «быль». По мысли автора, оно подчёркивает достоверность его сочинений, их близость исторической основе: «...Русь, как она была, точная, верная картина её – вот моя цель». Карамзин тоже и в повести «Наталья, боярская дочь», и даже в неоконченном романе «Рыцарь нашего времени» настаивает на желании рассказать «быль или историю»,

«не роман, а быль». В свою очередь, в поисках подлинно народного национального колорита и Карамзин («Илья Муромец»), и Радищев («Бова»), обращаются к бытине и исторической песне, обладавшим в русской устной и письменной словесности жанровыми признаками героической эпопеи, в которой все более вызревает потребность поэтического жизнеподобия. Таким образом, для них «быль» – это и «история в лицах», и «исторический трактат», и осмысление пути России.

Путь Полевого-беллетриста начинается историческими повестями «Святочные рассказы» (1826) и «Симеон Кирдяпа» (1828, впоследствии получила название «Повесть о Симеоне, Суздальском князе»). Он представляет собой характерную для тех лет фигуру как писатель и ученый, сочетающий создание художественных произведений о прошлом с самостоятельной научной разработкой проблем истории. Исторические повести, а позднее и романы его отличает научная основательность, продуманность эстетических установок, стремление к новому для отечественной литературы разрешению коренных внутри-жанровых проблем (соотношение факта и вымысла, приемы создания исторического колорита и др.) «...Верная нить истории и повествований старинных поведет меня, – поясняет Полевой особенности своей манеры в программном предисловии к роману «Клятва при гробе господнем» (1832), – только, там, где нет изъяснений истории, позволю себе аналогическое прибавление к известному»⁴. Однако задача писателя не сводится при этом к простому пересказу исторических материалов. Он стремится вдохнуть жизнь в мертвые факты, воссоздать минувшее в его полноте и неповторимости. И здесь ведущее значение принадлежит художественной интуиции автора. «Воображаю себе, – продолжает он, – что с 1433-го по 1441-й год я живу на Руси вижу главные лица, слышу их разговоры... записываю, схватываю черты быта, характеров. Речи, слова и все излагаю в последовательном порядке...: это история в лицах; романа нет; завязка и развязка не мои... Пусть все живет, действует и говорит, как оно жило, действовало и говорило»⁵.

В «Рассказах русского солдата» традиционная для романтической литературы проблематика «просвечивает» сквозь плотную ткань бытописания. Опираясь на собственный

жизненный опыт, Полевой открывает мало известную образованному читателю сферу русской действительности, поэзию старого русского быта, прежних нравов: «Положение... Курска прелестно. Город стоит на горе, которую обтекает река Тускорь, и с некоторых мест взор обнимает пространство, усеянное деревеньками, селениями, перелесками, нивами верст на двадцать. Если вы будете в Курске, советую вам пойти на берег Тускори к бывшему Троицкому монастырю и полюбоваться оттуда видом на Стрелецкую слободу. Окрестности ее и скат под гору к Тускори. Не менее хорош вид и на Ямскую слободу, которая раздвинулась по луговой стороне реки на Коренской дороге»⁶.

Повествование построено как незатейливая беседа-воспоминание. Об этом говорит и первая строчка: «Кажется, это было в 1817 или 1818 году. Мне надобно было ехать в Острогжск и Воронеж; я жил тогда в Курске» (автор действительно жил в это время в Курске). В этом неспешном повествовании найдется место и описанию Ямской слободы. Среди ямщиков, которые «особенно славятся своими лошадьми, своим достатком, своею ездой» будут названы и курские: «Любо посмотреть на их опрятные, высокие дома, с кровлями почти перпендикулярными, с раскрашенными окнами, с крытыми обширными дворами, где

все завалено кибитками, ободьями, рогожами, колодами, дегтярными бочками, телегами и где останавливаются обозы и иногда тесно бывает от возов и лошадей; любо посмотреть и на самих ямщиков, крепких, сильных, здоровых, рыжебородых, под пару их дюжим лошадям, которые могут выехать восемьдесят, сто верст в сутки, которых хозяин бережет и лелеет, как друзей». «Прежде, когда многие курские купцы торговали за границу, Лейпциг, Бреславль, Кенигсберг были знакомы курским ямщикам так же близко и коротко, как их соседка, Коренная ярмарка». Так благодаря Полевому и Курск с его древней историей входил в большую литературу.

Примечания:

1. Известия по русскому языку и словесности. 1920. Т. II. Кн. 1. С. 205.
2. Полевой Н.А. История русского народа. Т. 1-6. М., 1829-1833. Т. 1. С. XII.
3. Московский телеграф. 1829. Ч. 27. С. 476.
4. Разговор между сочинителем «Русских былей и небылиц» и читателем// [Полевого] «Клятва при гробе господнем»: Русская быль XV-го века. М., 1832. Ч.1. С. XXXII-XXXIII.
5. Там же. С. LVII – LVIII.
6. Полевой Н. Избранные произведения и письма. Л., 1986. С. 141.